

Сочинения по произведениям Зайцев Б.К.

Преподобный Сергей Радонежский

- Образ Сергия Радонежского в творчестве Б. К. Зайцева

Улица Святого Николая

- Рецензия на книгу Бориса Зайцева «Улица Святого Николая»

Образ Сергия Радонежского в творчестве Б. К. Зайцева

Произведение Б. К. Зайцева “Преподобный Сергей Радонежский” было написано в 1925 году в эмиграции. Это жизнеописание самого почитаемого на Руси святого старца. По признанию автора, такая тема — “никак не явилась бы автору и не завладела бы им в дореволюционные годы”. Читая жизнеописание знаменитого русского святого XIV века, я отметил, что именно во времена потрясений могут появляться такие произведения, дышащие страданием и надеждой, печалью и любовью — всеми высокими чувствами, которые могут возникнуть в душе человека, болеющего за свое Отечество.

Я понял, что автору этого произведения эти чувства близки и понятны. Мне пришлось по душе также и то, что автор изобразил Сергия именно как русского национального святого, со всеми присущими русскому человеку душевными качествами, из которых автор выделил ярче всех “скромность подвижничества”. Черта очень русская. Не зря в жизнеописании своими человеческими приметами и самой сутью подвига Сергию противопоставляется другой, католический святой — Франциск Ассизский. Преподобный Сергей не отмечен особым талантом, даром красноречия. Он “бедней” способностями, чем старший брат Стефан. Но зато он излучает свет — незаметно и постоянно.

Б. К. Зайцев в своем произведении поставил перед собой задачу, как я полагаю, раскрыть образ Сергия в постепенном, ясном, непрерывном и даже не в драматическом восхождении к святости. Святость растет в нем органично.

Сергий последовательно тверд и непреклонен в своей кротости, смирении, скромности. Когда монастырская братия вдруг начала роптать, игумен не впал в пастырский гнев, не стал обличать своих “детей” за греховность. Он, уже старый человек, взял посох свой и ушел в дикие места, где основал скит Киржач. И другу своему, митрополиту московскому Алексию, не позволил наложить на себя золотой крест митрополичий: “От юности я не был златоносцем, а в старости тем более желаю пребывать в нищете”.

Таким мировоззрением св. Сергей на Руси завоевывает великий нравственный авторитет, который, как показала история, только и позволяет ему совершить главный подвиг жизни — благословить Дмитрия Московского на битву с поработителями Отечества.

В произведении Зайцева св. Сергей — неотъемлемая часть России. Я был в Радонеже на открытии памятника св. Сергию. Там, на фоне русской природы, острее почувствовал эту великую связь св. Сергия с нашей Родиной, столь же кроткой, светлой в своей печали и притихшей как бы в ожидании чуда.

Но, к сожалению, светлые чудеса на Руси случаются гораздо реже, чем великие потрясения. Во времена ордынского ига Русь испытывала двойной удар: “разоряли и чужие, и свои”. Все эти несчастья испытала на себе семья отрока Варфоломея. Отец будущего святого, Кирилл, получил в Радонеже поместье, но сам уже, по старости, не мог вести хозяйство. Его заменил сын Стефан. На Варфоломея надежды не было, потому что отрок все больше стремился к уединению, к молитве, к Богу. Тяжелая жизнь еще сильнее укрепляла его в мысли покинуть родной дом и стать иноком.

Автор показывает Варфоломея еще до конца не представляющим, от чего и ради чего он решает отказаться в жизни. Перед читателем предстает скромный, погруженный в общение с Богом отрок. Отец, как мог, сдерживал сына от этого шага: “Мы стали стары, немощны; послужить нам некому; у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты стараешься угодить Господу. Но твоя благая часть не отнимется, только послужи нам немного, пока Бог возьмет нас отсюда; вот, проводи нас в могилу, и тогда никто не возбранит тебе”.

Варфоломей пожалел родителей и остался. Пожертвовал своим влечением к зовущей к себе новой жизни ради родных людей. В связи с этим вновь вспомню о противопоставлении св. Сергия св. Франциску. Автор уверен, что “Св. Франциск ушел, конечно бы отряхнул прах от всего житейского, в светлом экстазе ринулся бы в слезы и молитвы подвига. Варфоломей сдержался. Выжидал”.

Здесь, по-моему, разрешился более вопрос нравственный, чем религиозный. Разрешился таким образом, что для русской души нравственное и религиозное неразрывно. Во всяком случае, русская душа всегда в подобных случаях мучается и мечется перед выбором, Сейчас трудно сказать, как поступил бы Варфоломей, если бы эти сдерживающие его житейские обстоятельства затянулись. Автор жизнеописания считает, что, “наверное, не остался бы. Но, несомненно, как-нибудь с достоинством устроил бы родителей и удалился бы без бунта. Его тип иной. А отвечая типу, складывалась и судьба...”.

После ухода в дикие места вместе с братом Стефаном им пришлось нелегко. В ските надо было много трудиться. Брат оказался много слабее Варфоломея, и большая часть трудов легла на плечи будущего святого.

Вскоре, после пострижения его в иноки и ухода от него игумена Митрофана, св. Сергий остался совсем один среди дикой природы.

Автор особо подчеркивает расположенность св. Сергия к аскетизму: “Аскетический подвиг — выглаживание, выпрямление души к единой вертикали. В таком облике она легчайше и любовнейше соединяется с Первоначалом, ток божественного беспрепятственной бежит по ней...”

Наивно полагать, мне кажется, что св. Сергию в особенно трудные, первые месяцы одиночества помог тысячелетний опыт монашества. Опыт одиночества передать невозможно. К этому человек приходит сам, перешагнув через себя, и участь у самого себя, и поддерживая сам себя.

Как всякий отшельник, св. Сергий прошел сквозь тоску, отчаяние, упадок чувств, утомление, обольщение более легкой жизнью святой Сергий вышел победителем из этой борьбы, подчинив дух свой линии Бога.

Интересно в изображении образа св. Сергия раскрытие широты его взглядов. Известно, что он, будучи православным, насаждал среди своих подопечных в некотором смысле западную культуру: труд, порядок, дисциплину. Он не был проповедником, ни он, ни ученики его не занимались миссионерской деятельностью. И это только еще более повысило его авторитет в народе.

Не буду описывать подвиг преподобного Сергия, его роль в победе русских войск на Куликовом поле.

Это всем известно. И сам автор жизнеописания заострил свое внимание на моментах восхождения преп. Сергия к подвигу его жизни. Ни он, ни Дмитрий Донской не дожили

до окончательного освобождения Руси от поработителей, но они заложили прочный духовный фундамент, на котором Россия твердо стоит до сих пор.

Б. К. Зайцеву удалось создать образ народного героя, который во времена крови и насилия поддерживал дух соотечественников.

Автор заканчивает жизнеописание, накладывая последний важнейший штрих на облик преп. Сергия. Он говорит о том, что, “не оставив по себе писаний, Сергий будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим: одним он утешение и освежение, другим — немой укор. Безмолвно Сергий учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере”.

В этом, я считаю, самая главная ценность образа великого старца, изображенного рукой талантливого русского художника слова Б. К. Зайцева.

Рецензия на книгу Бориса Зайцева «Улица Святого Николая»

Есть в Москве улица Арбат.

Некогда названа она была

Улицей Св. Николая...

Б. Зайцев

Борис Константинович Зайцев, талантливый русский писатель, был возвращен из небытия благодаря демократическим преобразованиям в моей стране. Прочитав его книгу “Улица святого Николая”, я понял, что Родина по справедливости воздала этому замечательному творцу и гражданину, напечатав его книги и утвердив его имя в России. В книгу вошли произведения, написанные автором в разные годы. Уже с первого рассказа — “Волки”, открывающего книгу, я понял, что передо мной оригинальная, самобытная проза. Язык сочен, метафоричен. Оригинальность рассказа “Волки” — в метафоре: стая волков, попав в тяжелую ситуацию, ведет себя так, как вели бы себя, да и часто ведут, люди, для которых момент выживания преобладает над всеми иными чувствами. Стая не могла выбраться из бесконечной снежной пустыни и во всем обвинила своего старого вожака, который был растерзан и съеден. Этот жестокий акт не проходит просто так для оставшихся в живых молодых волков. Автор ставит их как бы в ситуацию нравственного мучения за содеянное: “А потом они опять принялись выть, но теперь каждый выл в одиночку, и если кто, бродя, натыкался на товарища, то оба поворачивали в разные стороны”.

В следующем рассказе — “Мгла” автор мастерски обыгрывает все ту же “волчью” тему, но здесь главное действующее лицо — охотник. Человек в погоне за волком испытывает самые низменные чувства. Когда охотник достигает цели, убив волка, он не испытывает никакого удовлетворения: “Вспоминая нашу пустынную борьбу там, в безлюдном поле, я не испытывал ни радости, ни жалости, ни страсти. Мне не было жаль ни себя, ни волка...”; “... я увидел лицо Вечной Ночи с грубо вырубленными, сделанными как из камня огромными глазами, в которых я прочел бы спокойное и равнодушное отчаяние”. Легко догадаться, что автора волнует проблема устройства мира и самого существования в нем всего сущего. Его герой как бы вынужден совершать бессмысленные поступки. Но если для героя эти поступки являются плодом размышлений над жизнью и смертью, то для волка это кончается трагедией. Автор мастерски делает так, что сам герой не жалеет волка, а читатель невольно ежится от описания погони и смерти вольного зверя, ежится, как от смертельного холодка. Автор умело использует метафоры и в других произведениях, вошедших в книгу (“Аграфена” и большинство других рассказов из цикла “Голубая звезда”).

Однако повесть “Преподобный Сергей Радонежский” написана совершенно иначе: читатель улавливает пристрастия автора, знакомится с его личными оценками того или иного момента исторического бытия святого Сергея. Читая повесть или, скорее, жизнеописание знаменитого русского святого четырнадцатого века, отмечаешь одну особенность в его облике, видимо, очень близкую Б. Зайцеву. Это — скромность подвижничества. Черта очень русская, недаром в жизнеописании автор

противопоставляет Сергия католическому святому — Франциску Ассизскому. Противопоставляет именно чисто русскими человеческими качествами натуры.

Интересен момент, когда будущий русский святой воздерживается от ухода из родного дома для служения Богу лишь потому, что родители попросили его не бросать их в старости одних. Католический святой так бы не поступил, ослепленный горним светом высшего бытия.

Линию корневой связи с простым русским народом святого Сергия автор проводит через все повествование. Он отмечает, что святой Сергей в отрочестве не блещет никакими талантами и даром красноречия. Более того, он явно беднее способностями, чем брат его Стефан. Но зато святой Сергей излучает тихий свет, незаметно и постоянно. Автор этим создает образ постепенного, естественного движения русского отрока к вершинам духа.

Само качество подвига, совершаемого святым Сергием на благо отечества, позволяет размышлять о понимании русским человеком своего физического и духовного долга перед родиной: “В тяжелые времена крови, насилия, свирепости, предательств, подлости неземной облик Сергия утешает и поддерживает”; “Сергий учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере”.

Преподобный Сергей Радонежский для Б. Зайцева — неотъемлемая часть России, как, например, Москва, Пушкин, красота русской природы.

В рассказах, завершающих книгу, автор увлеченно описывает жизнь и подвиги молодых офицеров царской армии, совершающих рыцарские поступки ради самодержавия. В повести “Мы военные...” Б. Зайцев так же четко расставляет акценты, и читатель без труда догадывается о его политической позиции и оценке событий: “Юра пал, как рыцарь, как военный. Самодержавный строй, его жизнью расплачивавшийся, сам валился стремительно — никто его не защищал”. Из повести мне стало ясно, что сам автор был против самодержавия и большевизма, но за временное правительство. Демократические взгляды были ему ближе всех остальных.

Размышляя о книге в целом, я хочу отметить, что автор подводит своего героя к мысли о

целесообразности всего происходящего в этом мире: “Все имеет смысл. Страдания, несчастья, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливы узоры и зигзаги жизни при ближайшем созерцании могут открыться как бесполезные. День и ночь, радость и горе, достижения и падения — всегда научают. Бесмысленного нет”.

Книга, на мой взгляд, позволяет судить и об одной особенности самого Зайцева-художника. Он отличается от многих других эмигрантов-литераторов, отдавших свой темперамент проклятиям в адрес новой России. События, послужившие причиной изгнания писателя из России большевистской, не озлобили его. Напротив, они усилили в нем чувство греха, ответственности за все происходящее с родиной. Отсюда и темы, привлекающие его внимание.

Среди них — религиозные, политические, философские. В данной книге составители, я считаю, отразили все эти направления, чем книга “Улица Святого Николая” весьма полезна и интересна современному читателю, живущему в не менее сложное и судьбоносное время, чем герои Б. Зайцева.